

V. Рецензии

Была ли русская революция «русской»? О книге Александра Солженицына «Двести лет вместе (1795-1995)», два тома, Москва, Русский Путь, 2001-2002 гг., 512 + 552с.

Отождествление русской революции и большевизма с еврейством — один из излюбленных тезисов русских правых. При помощи этого тезиса стараются «деруссифицировать» 1917 год. Крушение царской монархии истолковывается как результат злокозненных действий «ненавистников России», прежде всего евреев. Это они будто бы отравили богобоязненный русский народ революционной пропагандой, подстрекательски настроили его против начальства. Добро и зло, таким образом, тщательно разграничены по расовому критерию.

Какую же роль на самом деле играли евреи в русской революции? Насколько велико было их участие в свержении царского режима, насколько тесной - связь еврейства с большевизмом? Все эти вопросы находятся в центре внимания автора этой двухтомной монографии.

Книга представляет собой нечто вроде гибрида защиты и обвинения. В первом томе Солженицын страстно защищает «униженную и оскорбленную» империю Романовых от «предвзятости» тех, кто её критикует, причём с особым пылом клеймит еврейских критиков. Во втором томе автор занят главным образом обвинением евреев.

В апологетической части книги автор вновь и вновь старается релятивировать политику притеснений, которую царские правительства последовательно проводили в отношении еврейского населения страны. Он стремится представить эту политику как можно безобидней. Даже в изображении еврейских погромов прослеживается всё та же релятивирующая тенденция. Так, например, Солженицын решительно выступает против часто выдвигаемого в литературе тезиса о том, что погромы подогревались некоторыми представителями царских властей с целью переключить недовольство социально ущемлённых низших слоев на старинного и традиционного козла отпущения. Мысль эта, по мнению автора монографии, не имеет ничего общего с действительностью. Это попросту выдумка ненавистников России разного пошиба, и прежде всего - самих евреев. На самом деле, утверждает он, еврейские погромы были выражением стихийного народного недовольства. Первая большая волна погромов, прокатившаяся после убийства либерального царя Александра II, - убийцами были члены террористической органи-

зации «Народная Воля», в которой евреи не играли сколько-нибудь заметной роли, - была якобы вызвана яростью крестьян в западных губерниях России, где крестьянство, по мнению автора, издавна угнетали евреи-арендаторы. Без всяких комментариев Солженицын цитирует в этой связи высказывание писателя Глеба Успенского: «Евреи были избиты именно потому, что наживались чужою нуждой, чужим трудом, а не вырабатывали хлеб своими руками» (том 1, с.193).

Исключительно жестокий кишинёвский погром 1903 года, согласно Солженицыну, был тоже результатом внезапной вспышки народного гнева. Поводом якобы послужил слух о «ритуальном еврейском убийстве». Что касается погромов в Киеве и Одессе (1905 г.), то тут народную душу всколыхнуло, как утверждает автор, то обстоятельство, что евреи, настроенные революционно, оскорбили священные для народа религиозные и политические символы.

Итак, для каждого погрома у Солженицына находится объяснение.

Он даже считает необходимым подчеркнуть, что после убийства председателя Совета министров Петра Столыпина не было ни одного еврейского погрома. То, что еврейские газеты не отметили этот факт достойным образом, автор считает непростительным упущением.

Правительственным силам общественного порядка Солженицын даёт весьма снисходительную оценку. Он может их от случая к случаю упрекнуть в несостоятельности - но уж никак не в злой воле. А те, кто это делает, кто обвиняет власти в злонамеренности, зачисляются в категорию «ненавистных России».

Но постепенно тон Солженицына меняется. В главах, описывающих предысторию русской революции, апология сменяется гневным обвинением. Жертвенная участь евреев в империи Романовых ставится автором вновь и вновь под сомнение. Но тем настойчивей подчеркивается их якобы особая роль разрушителей основ, на которых покоилась дореволюционная Россия.

Уже в своём анализе погромов в Киеве и Одессе автор монографии рисует картину верноподданных и богобоязненных народных масс, которые с возмущением реагируют на святотатство еврейских революционеров, замахнувшихся на священные для народа религиозно-политические ценности. Отвечает ли эта картина действительности? Едва ли. Революция 1905 г. показала, что династия Романовых в значительной степени утратила свою укоренённость в сознании беднейших слоев общества. Теперь эти массы двинулись по пути, которым шли уже несколько поколений образованных слоев России. Вера в царя оказалась подорванной и в простом народе; образовался вакуум, который заполнила квазирелигиозная вера в целительную силу революции. От революции, а не от царя ожидало теперь большинство русских крестьян устранения всех социальных несправедливостей и прежде всего решения аграрного вопроса. На выборах в Первую, а ещё больше - во Вто-

рую Государственную Думу (1906 и 1907 годы) крестьяне, якобы преданные трону, чуть ли не сплочёнными рядами отдали свои голоса революционным партиям, а вовсе не консервативным. Опыление революционной идеей охватило в начале XX века широкие слои русского населения. Охранительные силы стремительно теряли поддержку в обществе.

Почему же Солженицын, невзирая на все эти факты, всё внимание сосредоточил в первую очередь на еврейскую составляющую русской революции? Почему внутрироссийские причины революции упоминаются лишь мимоходом? Ответ на этот вопрос даёт сам автор. Он жалуется на безграничный идеализм наивной русской интеллигенции, на её чрезмерное чувство солидарности с евреями, населяющими империю: «Не получили евреи равноправия при царе, но – отчасти именно поэтому – получили руку и верность русской интеллигенции. Сила их развития, напора, таланта *вселилась* в русское общественное сознание. Понятия о наших целях, о наших интересах ... мы слили с их понятиями» (том 1, с.475).

Иначе говоря, речь идёт у Солженицына не об обрусении еврейской интеллигенции, не об ее увлечении идеями Чернышевского, Писарева, Андрея Желябова, а о том, что объевреилась русская интеллигенция. В то же время полное отождествление евреев с русским народом, с рускостью для него, по-видимому невозможно: «Могли ли они чувствовать себя вполне, без остатка русскими по духу?» - задает он риторический вопрос и добавляет: «Могли ли интересы государственной России в полном объеме и глубине – стать для них сердечно близки?» (том 1, с.454).

Правда, время от времени Солженицын отступает от упомянутых выше постулатов. Например, он указывает, что из семи авторов сборника «Вехи» (1909 г.), сыгравшего ключевую роль в духовной истории России, трое были евреями. Но подобные высказывания мало что меняют в основном направлении книги - отношении автора к российским евреям как к чужеродному телу, по существу не поддающемуся интеграции. Вот почему он выставляет мнимое самоотождествление русской интеллигенции с евреями как своего рода измену национальным интересам России.

Солженицына не смущает тот факт, что, по убеждению таких русских мыслителей, как Бердяев, Федотов, Степун, равно как и преобладающего большинства западных историков, подлинная драма русской революции разыгралась внутри основного населения - русского народа. Вообще книга «Двести лет вместе» - не «классическое» научное исследование, но скорее идеологическое выступление, цель которого, видимо, прежде всего - обосновать некоторое умозрительное построение. С помощью частичной «деруссификации» русской трагедии, переложив главную вину на инородцев, автор хочет, судя по всему, укрепить потрясённое самосознание нации. Сомнительно, достигнет ли этой цели созданная им схема, чрезвычайно упрощающая весьма сложные исторические процессы.

Во втором томе своей монографии Солженицын ещё энергичней старается представить русскую революцию как «нерусскую». Он согласен называть русской только демократическую фазу начавшегося в 1917 году переворота - Февральскую революцию. Но и в этой ранней фазе он констатирует злоеущую роль евреев-социалистов, будто бы использовавших могущественный Центральный Исполнительный комитет Петроградского совета (ЦИК) для того, чтобы повернуть революцию на путь растущего радикализма. Он подчеркивает, что наряду с евреями в комитете заняли непропорциональное место другие инородцы - кавказцы, литовцы и поляки. Губительную для России радикальность этого органа власти Солженицын объясняет преимущественно нерусским составом руководства советами.

Это утверждение автора книги ставит реальное положение вещей с ног на голову. Ведь именно этот, якобы нерусский ЦИК в первые месяцы Февральской революции прилагал усилия к тому, чтобы утихомирить радикально-революционный порыв, который охватил тогда широкие слои именно русского народа. Ради того, чтобы, действуя совместно с буржуазно-либеральными силами, ввести в определённые рамки эту волну анархии, умеренные руководители советов даже вступили в начале мая 1917 г. во Временное правительство. Потому-то Петроградский совет и утратил популярность в массах. Они всё меньше прислушивались к уговорам умеренных социалистов, призывавших к сдержанности. «Массы испытывают нечто вроде инстинктивного страха, что революция окончится слишком рано, - пишет в этой связи первый министр иностранных дел Временного правительства Павел Миллюков. - У них такое чувство, что революция окончится ничем, если верх одержат одни лишь умеренные элементы».¹ И отнюдь не случайно такие ленинские призывы, как «грабь награбленное» или «немедленно прекратить империалистическую войну», нашли у русских крестьян и солдат куда более сочувственный отклик, чем предостережения умеренного руководства советов от чересчур радикальных требований, от слишком радикальной тактики.

«Открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца слился с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс», - пишет философ, активный участник тогдашних событий Фёдор Степун.² Это наблюдение Степуна совпадает с высказываниями многоисленных свидетелей той поры. Оно показывает, что «русской», вопреки тезису Солженицына, следует называть не только Февральскую революцию, но и Октябрьскую.

После захвата власти большевиками ситуация, по-видимому, основательно изменилась. Под лозунгом «пролетарского интернационализма» большевистское руководство установило режим жестокого террора. От этой политики отшатнулось подавляющее большинство населения страны. Но почему

¹ Miljukov, Pavel: Rußlands Zusammenbruch, 2 тома, Stuttgart 1925-1926, том 1, с.25.

же тогда большевики оказались в конечном счёте бесспорными победителями в Гражданской войне, почему им удалось сломить сопротивление «белых», боровшихся от имени России с «красной» диктатурой? Убедительное

² Степун, Федор: Сбывшееся и несбывшееся, 2 тома, New York 1956, том 2б с.104.

объяснение такого исхода событий дал один из лидеров меньшевиков Федор Дан непосредственно после окончания гражданской войны: Вопреки глубокому недовольству советской властью, «[крестьяне] все силы отдают на то, чтобы отразить самую возможность возвращения старого помещика и старого царя». Это и послужило, по мнению Дана, решающим фактором победы большевиков.³

Однако не только большинство русских крестьян видело в большевиках меньшее зло по сравнению с Белыми армиями; точно так же были настроены национальные меньшинства (составлявшие в начале XX века около 56 процентов населения империи), в том числе и многие евреи. Белые, борющиеся за «единую и неделимую» Россию, решительно отвергали какие-либо уступки национальным меньшинствам. В этом отношении они были даже категоричней большевистских доктринёров. И за эту свою категоричность белым антагонистам красной диктатуры пришлось дорого заплатить. Но не менее трагичной была судьба тех социальных слоев, народностей и группировок, которые восприняли большевиков как «меньшее зло». После поражения белых они оказались целиком и полностью отданными на произвол большевиков. Новый режим не подлежал никакому общественному контролю. Да и у самой партии, которая в октябре 1917 года установила первую тоталитарную диктатуру в новейшей истории, двадцать лет спустя, в годы Большого террора (1936-1938 гг.), был переломлен хребет. Ещё через десять лет, во время кампании по «борьбе с космополитизмом», коллективной персоной нон-грата были объявлены евреи. В результате большевистского переворота Россия знала лишь проигравших. Один социальный слой за другим, одна национальность за другой использовались режимом с тем, чтобы в конце концов быть вышвырнутыми на «мусорную свалку истории»: крестьяне-бедняки, среднее крестьянство (середняки), промышленные рабочие, кронштадские матросы, царские офицеры, евреи, латыши, грузины и т.д.

Ответственность за эту трагическую главу российской истории в большей или меньшей степени несут все игравшие сколько-нибудь важную роль социальные слои и народности Российской империи, и попытка Солженицына возложить вину за эту трагедию в первую очередь на «антирусски настроенные» группы и, в частности, на евреев, имеет мало общего с трезвым историческим анализом. Значительно ближе к истине был эмигрант и идеолог в других отношениях небесспорного сменовеховского движения Николай Устрялов, когда в 1921 г. следующим образом охарактеризовал переворот 1917 года и его последствия: «Нет, ни нам, ни «народу» неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис ... Он наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом ... И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается

³ Кулешов, С. и др.: Наше отечество, 2 тома, Москва 1991, том 2, с.67.

подчас, что девяносто процентов русских революционеров - инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются чужие руки, душа у него, «нутро» его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское – интеллигентское, преломленное сквозь психику народа. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии».⁴

(Леонид Люкс)

(Перевод с немецкого Бориса Хазанова)

⁴ Устрялов, Николай: Патриотика, в: Смена вех. Сборник статей, Прага 1921, с.46.